

БУРЖУАЗНЫЙ ТИФЛИС КАК АНТИТЕЗА ДВОРЯНСКОГО ПАРТИКУЛЯРИЗМА

Бениамин Маилян

Институт гуманитарных наук Российско-Армянского Университета, Ереван
Институт востоковедения НАН РА, Ереван

Abstract

The article refers to the period of the second half of the XIX-beginning of the XX century, when with the development of commodity-money relations in Georgia, cardinal changes took place not only in the socio-economic sphere, but also in interethnic relations. The reason was the new capitalist system that replaced the feudal order, which gradually began to undermine the old foundations. Prior to this, the positions of the Georgian nobility were quite strong. They were hereditary landowners and possessed estate privileges. The Armenian element in Tiflis formed a layer of wealthy citizens - the bourgeoisie, which was able to quickly master market mechanisms. A considerable part of the landlord class, on the contrary, was not able to transfer the economies belonging to them to the rails of the capitalist economy. There were sharp rebukes against compradors who were accused of economic bankruptcy of the local aristocracy. In addition, the course towards national revival declared by the Kartvelian intelligentsia came into irreconcilable conflict with the policy of Russification. As a counterweight to the commercial and industrial expansion of the Armenian bourgeois and the ambitions of the imperial bureaucracy was put forward a program for restoring Georgian sovereignty.

Keywords: *Georgian Bourgeoisie, Compradors, Aristocracy, Russification, Tiflis*

Аннотация

Статья обращается к периоду второй половины XIX–началу XX века, когда с развитием товарно-денежных отношений в Грузии, происходили кардинальные изменения не только в социально-экономической сфере, но и в межэтнических отношениях. Причиной был пришедший на смену феодальным порядкам новый капиталистический строй, который постепенно стал расшатывать прежние устои. До этого позиции грузинской знати были достаточно прочными. Они были наследственными владельцами земли и обладали сословными привилегиями. Армянский элемент в Тифлисе сформировал прослойку зажиточных горожан – буржуазию, которой удалось быстро освоить рыночные механизмы. Немалая часть помещичьего сословия, напротив, не смогла перевести принадлежащие им хозяйства на рельсы капиталистической экономики. Зазвучали резкие упреки в адрес компраторов, которых обвиняли в экономическом банкротстве местной аристократии. Кроме того, курс на национальное возрождение декларируемый картвельской интеллигенцией вошел в непримиримое противоречие с политикой русификации. В качестве противовеса торгово-промышленной экспансии армянских буржуа и амбициям имперской бюрократии была выдвинута программа восстановления суверенитета Грузии.

Ключевые слова: *Грузинская буржуазия, компраторы, аристократия, русификация, Тифлис*

После удельного распада Грузии в 1490 году, в эпоху Троецарствия эта кавказская страна испытала новые этапы смертельной борьбы с чужеземными захватчиками. Они

чередовались паузами, когда достигался определенный баланс сил между аппетитами иноземных гегемонов и интересами вассальных им грузинских правителей. Династия Багратидов в критической ситуации, что не маловажно, смогла сохранить под своим контролем большую часть своих фамильных доменов. Хотя их статус царей–“мепе” в глазах мусульманских сюзеренов имел лишь номинальный характер, тем не менее, с ними считались как с могущественными данниками. Эта позиция позволяла грузинам в перспективе ещё надеяться на реставрацию собственного суверенитета. В этих своих расчётах особую роль они отводили единой России, тесный союз с которой обещал, как надеялись грузины, избавление от деспотической власти шахского Ирана и султанской Турции. Самодержцы же России, напротив, сделали то, чего от них православные картвелы никак не ожидали. Они присвоили себе право единолично распоряжаться судьбой древней Иверии. Так, в Санкт-Петербурге в 1801 году, как известно, опрометчиво решили аннексировать Грузию.

Известный в своё время интеллектуал князь З. Д. Авалишвили, постарался особенно акцентировать внимание на том важном обстоятельстве, что: “договорное отношение, определявшееся началами [Георгиевского] трактата 1783 г., уступило место оккупации ... вот схема присоединения Грузии к России” (Авалов 1901: 243). Русскими администраторами были стёрты последние следы её феодальной государственности. Это больно ударило по самолюбию грузин, которые безнадежно ещё пытались оспорить навязанное им очередное иноземное владычество. Вспыхнула череда отчаянных мятежей местных своенравных сеньоров (Мельникова 2013: 106-116). Таким заключительным эпизодом был заговор князей 1832 года (“распоряжение первой ночи”), после чего наступил период относительного затишья.

Илья Чавчавадзе, патриарх грузинской литературы, тем не менее пишет, что оказавшись под властью единоверцев его “истерзанная страна обрела покой, избавилась от разорений и погромов” (Брегвадзе 1983: 149). Инкорпорация в пределы империи Романовых, как известно, устранила из грузинской жизни феодальную раздробленность — систему “сатавадо” и разрушительные иноземные нашествия, что в социально-экономической сфере несколько компенсировало утрату Грузией собственной монархической власти. По замечанию же З. Д. Авалишвили, она, однако, “переменила азиатское средневековье на российский казарменно-канцелярски-патриархальный строй” (Урушадзе 2015: 146). Хотя культурное сближение грузин с Россией казалось относительно прочным, однако политический альянс между ними оставался весьма зыбким.

Известно, что грузинская общественно-политическая мысль в период подчинения своей родины самодержавному скипетру дома Романовых, всерьез никогда не отказывалась от идеи восстановления своей государственности и постоянно грезилась её “золотым веком” времён правления Давида Строителя и царицы царей Тамары. Поиски путей национального возрождения стали особенно актуальными для неё начиная с середины 1880-х годов, когда в державе Романовых царские власти избрали опрометчивый путь принудительной русификации покорённых народов, в том числе и грузинского. Характер этой ассимиляционной политики стал выражаться широко известной

фразой: “Что не сделал русский штык — доделает русский чиновник, русская школа и русский поп”.¹ Так, источником особой тревоги у образованных картвелов служила ничем неприкрытая дискриминация их языка, так как “никто не мог зарабатывать на жизнь знанием этого языка; он не имел никакого значения в администрации” (Жордания 1968: 6). Всё это не могло не вызвать в грузинском народе чувства возмущения и резкого протеста.

В числе свидетельств той эпохи есть сообщения о том, что в среде грузинской интеллигенции крайне усилились стремления, имеющие целью реставрацию собственного царства (Байков 1991: 192). Грузинское дворянство распространяло эти свои идеи среди простого народа и “уже добилось того, что [он] питает недоброжелательность ко всему русскому” (Дякин 1998: 682). Это и был печальный итог грубой русификации.

Мятежные настроения постепенно стали складываться в крайне многочисленной местной дворянской среде,² прежде всего, из-за негативного отношения к русской администрации. В лице пришлых бюрократов, не знающих Кавказа, не уважающих культуру его народов и их традиции, они неизменно видели незваных гостей. “Для этих чиновников, – говорит очевидец, – местное население представляло низшую расу, называли их “туземцами”, считали [их] необразованными и некультурными” (Уратадзе 1968: 24). Полагаем, что такое отношение властей к народам периферии несомненно являлось маркером колониализма.

Особое раздражение вызывал также тот факт, что администрация в своих официальных документах весьма последовательно игнорировала этнические категории, отдавая предпочтение традиционным конфессиональным критериям. Религия не могла иметь для грузинской идентичности дифференцирующего значения, так как она скорее объединяла русских и картвелов.³ Хотя православные грузины по факту считались естественной частью наднациональной системы выстроенной в империи Романовых, однако попытка самодержавного режима в период контрреформ 1880-1890-х гг. мобилизовать имперский шовинизм немедленно отозвалась резким ростом сепаратистских настроений в картвельской среде. Курс на национальное возрождение, декларированный местной интеллигенцией, оказался в непримиримом конфликте с политикой русификации. В грузинском истеблишменте возникла и стала распростра-

¹ Правда, достаточно громко уже звучали также голоса разумно мыслящей части русской интеллигенции, которая полагала, что “никакие драконовские меры насильственного обрусения не принесут пользы ни России, ни Закавказью” (Марков 1887: 217).

² По данным переписи 1897 г. картвелы составляли 23,7 % всего населения Закавказья, а именно 1341 тыс. из 5663 тыс. жителей. Феодальный же нобилитет в Грузии насчитывал 5,26 %, что укладывается в цифру более 70 тыс. человек (Кастелянский 1910: 473). Известно, что 56% княжеских фамилий всей Российской империи уже в конце XIX века имели грузинское происхождение (Соловьев 2000: 175).

³ Во владениях Романовых, тем не менее, существовала этническая иерархия, когда только население, чьим родным был великорусский язык, имело особую привилегию быть единственным титульным народом метрополии. “Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Основным признаком инородчества является язык. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют определяющей роли” (Кастелянский 1910: 531).

няться с необычайной силой достаточно устойчивая аллергическая реакция в отношении амбиций русской бюрократии. Трения между этими двумя господствующими социальными группами не заставили себя долго ждать.

Планомерно подрывая политическое значение картвельского нобилитета, власти, тем не менее, долгое время не касались в такой же мере его социальных привилегий. Это положение вещей, однако, сохранялось лишь до 1901 года, когда поземельным налогом были обложены также имения знати (Воронцов-Дашков 1907: 88). Тем самым, в эпоху перемены курса от военно-политической экспансии в кавказском регионе на приоритет его экономического освоения, петербургская бюрократия продемонстрировала, что более не рассматривает картвельскую знать в качестве главной своей опоры на Южном Кавказе. Веками выстраивая свою жизнь в системе координат “сюзерен – вассал”, помещики-картвелы были глубоко уязвлены и крайне раздосадованы этой инициативой властей. Немецкий консул в Тифлисе граф Ф. В. Шуленбург тогда же остроумно заметил, что “грузины [аристократы] чувствуют себя как брошенная любовница, так как [русский наместник] Воронцов-Дашков теперь благосклонен к армянам [компрадорам]” (Рейфилд 2017). Следовательно, в сознании грузинского феодального сословия ещё раз была серьезно поколеблена уверенность в необходимости и далее сохранять верность трону Романовых, которые под напором капитализма уже не могли, как и прежде быть единственными гарантами их материального благосостояния. Российская монархия стала стремительно терять в глазах грузинской элиты харизму благосклонного патрона, способного защищать интересы своих клиентов-дворян. После катастрофического падения престижа династии Романовых периферийный дворянский партикуляризм строился прежде всего на ожидании крушения российского колониализма.

Шеф-редактор тифлисского официозного издания “Кавказ” В. Л. Величко, попытался обрисовать в общих чертах состояние современного ему картвельского феодального класса. Так он утверждал, что “представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких *rois en éxil*; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к “эффектному” прожиганию жизни ... являются самыми яркими ненавистниками всего русского ... в их недовольстве звучит ... органическая скорбь об утраченном [своём всевластии] ... эти господа при случае являются истинным бедствием для кавказских русских властей, постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего [статуса] ... В русском служилом классе [они] вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом” (Величко 2003: 44). Нарисованный здесь карикатурный образ люмпенизированной знати, разумеется, едва ли можно было примерить ко всем представителям дворянского сословия. Этот публицистический пассаж, тем не менее, весьма наглядно демонстрирует градус неприязни, возникший между поставленным управлять Грузией чиновничьим классом и местным феодальным нобилитетом. Между тем, общая напряженность росла также из-за взятого Санкт-Петербургом курса на максимальную русификацию.

В контексте указанных тенденций в аристократических домах Грузии стало особенно модным вспоминать свои прошлые победы и недовольно рассуждать о нынешних судьбах своей родины. “Грузины, – по мнению американского автора, – обращались к своей древней истории, чтобы доказать своё преимущество по сравнению с российскими колонизаторами” (Jones 1994: 158). Таким образом, в конце 1880-х у дворянского общественного движения появилась вполне чёткая и конкретная политическая цель: “вернуть Грузию, которую мы потеряли”. Как следствие, грузинский нобилитет, который крайне болезненно реагировал на постепенную утрату своих привилегий и прежнего влияния, попытался шантажировать русские власти выдвижением на авансцену своего собственного “национального вопроса”.

Кроме того, подспудное усиление оппозиционных настроений в среде грузинских помещиков было обусловлено, прежде всего, стремлением сохранить элементы национальной идентичности в условиях усиливающейся имперской унификации. Как полагает специалист по исторической социологии, “фрондерство, перерастающее в диссидентство, есть также способ утверждения статуса, когда нет политических выходов для самовыражения” (Дерлугьян 2013: 189). Затем, на радикализации политической фронды картвельского дворянства не мог не сказаться фактор достаточно быстрого проникновения в их, веками устоявшийся феодальный мир, разрушительных для него буржуазных товарно-денежных отношений.

По мнению советского автора, капиталистическое развитие Грузии шло не через трансформации “внутри самого грузинского общества – капитализм был привнесён извне, и феодальная Грузия встала лицом к лицу с уже сложившейся иностранной буржуазией” (Драбкина 1928: 34).

Основными носителями этих совершенно новых для Грузии социально-экономических категорий выступали главным образом тифлиские армянские купцы, которые традиционно имели богатый опыт ростовщичества и торговли. Их присутствие здесь, несомненно, делало экономическое развитие страны более динамичным. Этнические армяне, составлявшие, по оценкам на 1916 г., 43 % населения Тифлиса (Кавказский календарь 1916: 206-207), занимали, однако, нечто вроде монопольного положения в экономике этого города. Они, например, основали и крепко держали в своих руках практически всю банковскую инфраструктуру в Тифлисе (Оганджян 1970: 229 – 230). В торговле и промышленности Тифлиса армянам принадлежало 62% всех предприятий, 73% оборота и 69% дохода (Дадаян 2008: 93). Были сферы производства, в которых армяне были монополистами, и одной из таких была табачная промышленность (Маркарян 2018: 63).

Стремительно богатееющие благодаря плодам “эпохи великих реформ”, эти весьма успешные культуртрегеры бизнеса вызвали к себе самое ревнивое отношение со стороны грузинского дворянского сообщества. Его особенно впечатлительным представителям стало казаться, что русская администрация “на фоне дискриминации грузин, старалась выдвинуть вперед другой этнический элемент, который был бы более верным России. Таким культурным элементом они [т. е. власти – Б.М.] сочли

армян⁴ (Кутателадзе 2010: 518). Или, говоря иными словами, армянский предпринимательский класс Тифлиса в картвельской интеллектуальной среде стал рассматриваться сквозь призму российского колониализма, как один из важных его инструментов в Грузии.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что возникший тогда же дворянский партикуляризм в своей основе питался главным образом социально-экономическими мотивами. Тем не менее, проблематика межэтнических трений превратилась в абсолютно доминирующую тему местного политического дискурса. Как следствие, через нее стали выражаться все ключевые противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому балансу овладело умами и начало пронизывать идеологию самих кавказских элит, всё более осваивающих идеи освобождения именно в этнических терминах.

Русофильствующие армянские компрадоры Тифлиса, отнюдь не были органической частью своего этноса, а лишь превратились в некий суррогат местной буржуазии, который был замкнут на свои собственные, корпоративные интересы. Американский автор Ф. Каземзаде вполне справедливо отмечает, что “Грузия фактически не имела национальной буржуазии.⁵ Функции среднего класса выполняли армяне, которых ненавидели за их богатство и фактическую монополизацию всей коммерческой деятельности в этой стране” (Kazemzadeh 1951: 12).

Таким образом, капитализм в Грузии на рубеже XIX и XX веков персонифицировался в образе тифлисского армянского буржуа, который к тому же имел ярко выраженное лицо компрадора, обслуживающего интересы имперской бюрократии.

Эксперт Паата Бухрашвили фиксирует факт появления армянского торгово-ремесленного люда в своей стране как результат целенаправленной переселенческой

⁴ Цитируемый автор излагает далёкие от реального положения дел сведения. Напротив, князь Г. С. Голицын, назначенный в 1896 году главой кавказской администрации, решительно сменил прежний относительно благожелательный к армянам социально-политический курс. При его непосредственном участии подверглись полицейским преследованиям многие известные деятели армянской культуры и т. д. Апофеозом же тех репрессий стал закон от 12 июня 1903 года о полной конфискации доходного имущества, принадлежащего Армянской Апостольской Церкви. Эта практика встретила повсеместное и ожесточенное сопротивление в армянском народе, что заставило отдельных высших правительственных чиновников высказать некоторые сомнения в отношении наиболее грубых проявлений антиармянской политики. Наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков, который принадлежал к числу сторонников более гибкого курса в национальном вопросе и не приветствовал прямолинейное русификаторство, уже вскоре после своего вступления в должность в 1905 году, поспешил выступить с инициативой отмены ряда армянофобских актов. Обращаясь к царю, он обосновал свой демарш тем важным обстоятельством, что “русская политика непрестанно с Петра Великого базировалась на доброжелательном отношении к армянам... Покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги” (Воронцов-Дашков 1928: 118). Как можно было убедиться на практике, посреднические просьбы такого рода имели всего лишь утилитарный характер.

⁵ Национальная буржуазия, как правило, является продуктом антифеодальных революций. Её благополучие часто опирается на производство продукции отечественной промышленности, поэтому она последовательно выступает с позиций укрепления экономического суверенитета своей страны. Полагаем, что не следует отождествлять собственно этническую буржуазию с её креативной частью – национальной буржуазией, которая возникла как антипод компрадоров, богатейших лишь на экспорте сырья и импорте иностранных товаров.

политики грузинских монархов, которые видели в нём немаловажную опору для собственной государственности. Он резюмирует, что “одной из значительнейших форм экономических отношений грузинского и армянского народов можно считать привлечение армянского населения в Грузию и его активное включение в хозяйственно-экономическую жизнь грузинского государства” (Бухрашвили 2010а: 53).

Другие грузинские авторы, в свою очередь, также признают немаловажную роль армянского капитала в экономике своей страны. Однако рассматривают это явление в достаточно критическом ключе, вовсе не скрывая своего негативного отношения к указанному факту. “Армянские предприниматели захватили [sic!] в свои руки целый ряд отраслей промышленности, – сообщают они, – а также торговлю. Грузинская буржуазия только-только нарождалась и не в состоянии была соперничать с армянскими предпринимателями. Её роль в экономике Грузии была весьма незначительной. Серьезную конкуренцию армянским капиталистам смогли оказать лишь один-два грузинских предпринимателя” (Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе 2008: 557).

Впрочем, здесь авторы цитаты всего лишь пытаются зафиксировать сформулированный ими же императив (“захватили”) и обходят своим вниманием истинные причины, которые способствовали успешному развитию собственно армянского предпринимательства в Тифлисе. Этот вопрос, мы полагаем, вполне можно разрешить при помощи авторов других публикаций. Так, грузинские историки сообщали, что “в Тифлисе армяне почти исключительно образовали особое городское сословие, нечто вроде почетных граждан, под названием мокалаков, что буквально значит “горожан”. Они вели свое начало от тех промышленных и торговых армян, которых царь Вахтанг Горгасал вызвал, говорят, во вновь устраиваемую им столицу и, чтобы привязать их к ней, предоставил им разные выгодные и почетные привилегии ... Нерасположение природных грузин к городской жизни, к торговой и промышленной деятельности, было так сильно, что, не смотря на все выгоды и преимущества, сословие мокалаков состояло почти из одних армян” (Бакрадзе/Берзенов 1870: 87-88).

Как можно убедиться, армяне не только не были чужды Грузии, но обосновавшись там с древнейших времен, ни в коей мере не являлись инородным элементом в столице этой страны.

Известная в свое время писательница Вера Желиховская, проведя многие годы в Тифлисе, пришла к заключению, что грузины якобы “не предприимчивы ... торговлю за стыд почитают”⁶ (Желиховская 1885: 44-45). Свои наблюдения она изложила лишь в самом начале развития капитализма в Грузии, но, тем не менее, сделала весьма смелый вывод, что “первое место [на экономическом поприще] без

⁶ Что касается общеизвестной праздности немалой части дворянской аристократии, то она, к примеру, весьма остро и с необычным юмором была высмеяна в произведениях самих классиков грузинской литературы И. Чавчавадзе (повесть “Человек ли он?”) и А. Цагарели (пьеса “Ханума”). Инертность же крестьянского сословия, к слову, “имела вполне рациональную мотивацию. Дополнительные усилия в натуральном хозяйстве, к тому же отягченном крепостничеством, ... добавок вполне могли побудить барина увеличить оброки. Куда безопаснее [было] слыть бедным” (Дерлугьян 2013: 177-178).

сомнения должно принадлежать армянам, как самому даровитому и деятельному населению края” (Желиховская 1885: 63).

Таким образом, успехи армянского элемента в сфере экономики, надо прямо признать, в то время были достаточно закономерными. Полагаем, что вопрос конкурентной несостоятельности феодального сообщества, также можно считать вполне объяснимым явлением. Он, напоминаем, был вызван аграрным характером грузинского социума, когда пути феодализма безнадежно сковывали творческую энергию этого всесторонне одаренного народа, не давая развиваться независимым производительным силам. Появление же свободного капитала, дало старт процессу неуклонной экономической деградации картвельского дворянства.

Немалая часть грузинского помещичьего сословия в силу своих характерных ментальных особенностей, по сути, не способна была перевести принадлежащие им хозяйства на рельсы капиталистической экономики. Причины этого явления были хорошо знакомы многим их современникам. “Присущая грузинскому дворянству страсть к широкой расточительности и богатой светской жизни создала для класса помещиков острую нужду в деньгах, которые неоткуда было им взять ... появились земельные банки разных наименований и грузинское дворянство широко воспользовалось их услугами, не осталось почти ни одного сколько-нибудь крупного имения, под обеспечение которого не были бы получены деньги ... Задолженность дворянства росла, но сельскохозяйственная культура, производительность сельского труда и доходность имений ничуть не изменилась к лучшему, – так констатировали общеизвестные факты в одной из публикаций своего времени. Началось обнищание и разорение помещиков, которые, не зная и не умея справиться с финансовыми затруднениями, с одной стороны из года в год возбуждают перед правительством ходатайства о сложении с них долгов, а с другой стороны, выжимают у крестьянской массы решительно всё, что только возможно” (Из грузинской жизни 1905: 78).

Сама же знать жаловалась, что находится в состоянии “экономического упадка и полного развала дворянского хозяйства, горше и хуже которого трудно себе представить” (Авалиани 1920: 90). Она ещё не осознавала истинных причин краха феодального режима, не понимала, что в эпоху модерна его основополагающие принципы уже превратились в анахронизм, и потому столкновение с новой реальностью было для неё столь мучительным.

Более того, враждебное западному рационализму крайне консервативно настроенное картвельское дворянство, стремилось вытравить в своей стране дух “торгашества”. Оно всячески третировало социальные группы занятые в сфере коммерции и мечтало вернуть грузинский социум к древним добродетелям, когда якобы царили простые благородные нравы, добрый монарх обеспечивал благополучие подданных, а церковь пеклась о высоких моральных ценностях. Эти обладатели достаточно уже поношенных аристократических титулов были убеждены, что единственным критерием сохранения в качестве господствующего сословия родной им знати, является принципиальная необходимость консервации в Грузии целого ряда важных элементов прежнего феодального устройства. Освещающие проблему авторы де-

лают вывод, что “проекты грузинского дворянства носили откровенно крепостнический характер” (Адиньяев 2017: 375).

Ныне же тбилисские авторы несколько иначе трактуют причины экономического банкротства своего аристократического класса. Они обходят своим вниманием системные изъяны присущие феодальному землевладению и пытаются объяснить суть явления обобщением имеющих лишь частный характер фактов, которые никак не раскрывают результаты хозяйственной деятельности помещиков. Так они пишут, что “для большинства грузинского дворянства единственным источником дохода была земля. И только небольшая часть грузинской аристократии жила на средства, получаемые на государственной службе. Наследственные земли дворян постепенно сокращались после ее раздела между членами семьи, соответственно сокращались и доходы, получаемые с этой земли. Грузинская аристократия, оставшись без средств, вынуждена была занимать деньги у армянских предпринимателей, пытаясь таким путем выйти из тяжелого положения. Однако многие дворяне не в состоянии были вернуть заём, поэтому они продавали свои земли и полученные деньги отдавали на покрытие долга. Покупателем земли была всё та же армянская буржуазия. Так, постепенно, грузинская земля переходила в руки армянских капиталистов” (Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе 2008: 566-567).

Посетивший в своё время Грузию этнограф, напротив, оставил весьма интересные сведения об образе жизни местных феодалов. Так, “пирушки, кутежи, охота, переезды целым обществом друг к другу – составляют их главное занятие, при котором не приходится уделять много времени и забот своему хозяйству. Оттого-то большинство небогатых помещиков дошло теперь до жалкого положения” (Марков 1887: 343).

Таким образом, из-за нерационального ведения хозяйства дворяне не могли избавиться от перманентных долгов и были вынуждены закладывать свои родовые вотчины. Так, только в двух поземельных банках Тифлиса к 1903 году было заложено 30% поместий одноимённой губернии (Гогичайшвили 1910: XXVI). Из-за неуплаты своевременно причитающихся сумм кредиторам в их руки постепенно переходили помещичьи земли, которые затем продавались с публичных торгов.

Известно, что 40% дворян Грузии к 1905 году уже лишились всяких прав на свои фамильные владения (Драбкина 1928: 19), из-за чего “имеется значительное число совершенно необеспеченного мелкого дворянства, легко поддающегося смуте” (Воронцов-Дашков 1907: 28).

Таким образом, на примере Грузии можно было наблюдать предельно загнивший феодализм, исключавший возможность хоть какого-то поступательного развития без его решительной ликвидации. Однако в самом грузинском обществе тогда отсутствовали более-менее серьезные капиталистические элементы и, следовательно, роль могильщика местного феодализма, в силу создавшихся объективных обстоятельств, должна была выпасть на долю армянской буржуазии. Осознание столь опасной для их социальных интересов перспективы, вызвало бурю эмоций в среде дворянства. Со слов В. Л. Величко, который с завидным усердием и старанием ретранслировал

настроения картвельской аристократии, известна суть зазвучавших упреков, что, дескать, “армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь” (Величко 2003: 30).

Действительно, как было уже сказано, в феодальной Грузии армянские поселения являлись ее органической частью. Так, при Давиде Строителе, объединителе грузинских земель, в целях развития экономики страны было организовано массовое переселение армян из Ани, главным образом ремесленников и купцов, в столицу Грузии. Они обосновались здесь в основанных ими же кварталах Авлабар и Сололаки, и вскоре стали играть все возрастающую роль в жизни города. Уже при царе Георгии III и его дочери Тамаре должность градоначальника Тбилиси становится, как правило, наследственной привилегией армянских княжеских фамилий. Об их влиянии и авторитете свидетельствует то, что грузинские монархи “считаясь с тбилиским армянским населением, составлявшим в городе большинство, назначали городским головой армянина” (Чхетия 1958: 161-162). По утверждению же французского путешественника XVII века Жана Шардена, “армян [в Тифлисе] так много, что они своей численностью превышают грузин, они также гораздо богаче последних, но занимают, по большей части, невысокое положение” (Шарден 1902: 182).

Полагаем, что читателю, пожалуй, стоит также обратить внимание на интересный комментарий грузинского эксперта. “В [феодальной] Грузии, – сообщает он, – этнически грузинское население [в своей основной массе] занималось земледелием ... города [же] в основном представляли административные центры, население которых, большей частью не грузинское, занималось торгово-производственной деятельностью. ... Капитал, который в основном находился в руках инородцев, никогда не представлял опасности для государственности грузин. ... Соответственно в Грузии не было ни антиеврейского движения (большинство купцов были евреи), ни антиармянских выступлений (большая часть ремесленников были армяне). Если [же] инородец желал осесть на грузинской земле, он должен был огрузиниться ..., после введения [же] русского правления обстановка радикально изменилась. На грузинских землях колониальное правительство стало массово расселять инородцев – армян, молочан, духоборов, мусульман, немцев, тем самым подрывая основы экономического могущества грузин [читай: аристократов – Б. М.]; ... что составляло одну из стратегических линий колониальной политики России” (Бухрашвили 2010б: 144).

Кроме того, особую аллергию у феодального класса, отметим, вызывало стремительное укрепление экономических позиций тифлисской буржуазии, что вошло в непосредственный диссонанс с прежним доминированием князей-“тавадов”.

Грузинская интеллигенция переломной эпохи, которая в значительной степени сформировалась из представителей дворянского сословия, крайне болезненно реагировала на рост инационального капитала в своей стране. О положении и настроениях грузинского дворянства красноречиво свидетельствовал известный поэт князь Григол Орбелиани: “Со всех сторон слышны стенания, лицо каждого дворянина нахмурено вследствие горьких мыслей о наступающей бедности; все наше общество завязло в неоплатных долгах, а избавителя нигде не видно. Вся Грузия продается, и

если покажется кто-либо с деньгами, тот, действительно, задёшево и по-настоящему станет господином Картли и Кахети” (Качарава 1973).

В эмоциональных обсуждениях грузинской общественности тот, в общем-то, обычный экономический процесс, приобрел зловещий смысл, и молва уже сводила продажу фамильных усадеб нерадивыми помещиками чуть ли не к потере исторической родины всем грузинским народом (Ишханян 1914: 43).

Дворянская публика, которая не понимала, либо не желала осознать истинных причин своего упадка, напротив, жаждала простого и сильного объяснения внезапного крушения традиционного уклада. Оно было вскоре найдено путем тиражирования мифа о кознях армянской буржуазии. “Главными вдохновителями антиармянской, доходившей порой до армянофобства, кампании, – вспоминал очевидец, – были видные представители грузинской литературы, как князь И. Чавчавадзе, князь Ак. Церетели и др. Кампания эта была чисто дворянская” (Кастелянский 1910: 519). С точки зрения аристократов их разорение было делом рук ушлых инородцев, которые, якобы злоупотребили грузинским гостеприимством и использовали его в своих корыстных целях.⁷ Этот тезис со всей тщательностью был отшлифован и изложен в известной программной работе-памфлете “Армянские ученые и вопиющие камни” (Чавчавадзе 1902).

Знать, в поисках национального консенсуса, с помощью разных ухищрений стремилась отвлечь внимание от внутренних социальных проблем и, возбуждая ксенофобские страсти, добивалась, таким образом, сплоченности своей этнической группы вокруг лидеров дворянства. Им необходимо было срочно спустить пар, направить недовольство простых людей на кого-то другого. Более того, для местных фундаментальных традиционалистов даже справедливая критика компрадорского капитализма, как правило, была внешним признаком армянофобии, так как являлась лишь её цивилизной упаковкой.

Уже в позднем средневековье сложился известный, чисто дворянский взгляд местной знати на эмигрантов-армян “как на людей низшей породы, самой природой созданных для того, чтобы рабелепствовать перед [иноземными] господами, вносить оброк, сносить побои...”. В новое же время “из бесправной массы армянское городское сословие поднялось до положения сильного и опасного соперника феодального класса” (Кастелянский 1910: 510-514). Аграрные сообщества, как известно, строго иерархизированы. В случае нарушения традиционной субординации,

⁷ Этнокультурные стереотипы, возникшие в дворянской среде, затем были ею же навязаны остальной части своего народа. В грузинском социуме, особенно на бытовом уровне, сформировались установки с клишированными и упрощенными представлениями, которые, по сути, не преодолены и поныне. Их рецидивы, время от времени, ещё напоминают о себе в общественном дискурсе. Настороженное отношение к этническим армянам, продолжает являться, увы, одним из компонентов массового сознания современного грузинского общества. Хотя, как пишет политолог Тенгиз Аблотия, “сегодняшняя армянофобия, которая все еще существует в Грузии, не имеет никаких логических причин, [так как] старые комплексы совершенно лишены почвы” (Аблотия 2011) Более того, Илья Чавчавадзе фактически сам дезавуировал свои колкие замечания в адрес давних соседей словами: “Мы все хорошо знаем, что бессилие прежней Грузии началось с того несчастного дня, когда пала Армения – наша прежняя южная твердыня” (Давлианидзе 2009: 20).

неизбежно возникает конфликтная ситуация. Сословная гегемония дворянства в Грузии к 1890-м гг. сильно расшаталась, снижение же прежних его статусных позиций вело дело к острым социальным трениям. Они были отчасти выражены также в форме межэтнического антагонизма. Князь А. И. Сумбаташвили (более известен как актёр Сумбатов-Южин) верно заметил, что эти противоречия “не есть рознь национальностей, а одна из бесчисленных форм классовой борьбы на чисто экономической почве” (Сумбатов 1919: 6).

Ещё слабое развитие промышленности в кавказском регионе серьёзно ограничивало спрос на техническую интеллигенцию. Область административного управления оставалась чуть ли не единственной сферой, где многочисленные молодые представители интеллигенции, порожденной быстрым распадом мелкопоместного дворянства в Грузии, надеялись выстроить свое будущее благополучие. Однако поддерживавшая засилье русских бюрократов в государственной администрации русификаторская политика официального Санкт-Петербурга, за редким исключением, лишала многих из них карьерного продвижения по службе и доступа к большинству доходных должностей.⁸ Кроме того, крупная буржуазия, фактически управлявшая Тифлисом, сплотилась в группу, именуемую “сололакской партией” (Сололаки — городской квартал, застроенный фешенебельными особняками), которая состояла из купцов и промышленников армянского происхождения. С ней и вели напряженную электоральную борьбу грузинские традиционалисты. Главные баталии, конечно же, разгорались в Тифлисе, где в городской думе и в её муниципальной управе лидирующее положение занимала креатура армянского капитала (Карапетян 2003: 18-22). Это, безусловно, не могло не раздражать слабо представленную в городском самоуправлении грузинскую сторону и наиболее важных её представителей (Николадзе 1920: 108).

Со страниц главного рупора картвельских традиционалистов постоянным рефреном звучали слова о том, что “мы грузины, всей душой сочувствуем армянскому народу и желаем его стране возрождения, но мы не можем держать в доме гостя, который не только надолго задержался, но и вознамерился стать его хозяином”.⁹

В обществе, где были сбиты все прежние вехи и ориентиры, ксенофобия многое непонятное делала вполне объяснимым. Причины фрустрации своего сословия дворянские интеллигенты ошибочно искали вовсе не в экономической сфере, а в межэтнических отношениях, перекладывая вину за незавидное положение аристократии с нерадивых помещиков на предприимчивых армянских буржуа, все сводя к их “злым” намерениям. То, что армянофобия и антикапитализм в Грузии восходили к одному, общему корню, — факт исключительно важный для понимания событий, происходивших в этой стране в эпоху модерна. И этого, как правило, не замечают поверхностные комментаторы.

⁸ На отчете тифлисского губернатора, сообщавшего, что он старается более не допускать грузин и армян к занятию должностей в администрации, а замещать вакансии “преимущественно русским элементом”, Николай II оставил многозначительную резолюцию: “Так и следует” (Дякин 1998: 28).

⁹ “Иверия” (газета, Тифлис) 23 августа 1902 (на груз. яз.).

Угроза в будущем вообще остаться без многочисленного класса крупных собственников сформировала в среде картвельских интеллектуалов устойчивое мнение о том, что их народ в жестких условиях рыночной формации якобы будет полностью подчинён армянскому капиталу. Вслед за ними В. Л. Величко повторяет, что “насуточно необходим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, то есть представителями [грузинского] дворянства, приспособляющимися к новым условиям; в противном случае разоряющиеся дворяне будут падать прямо “на дно”, а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров” (Величко 2003: 31). Таким образом, практическое отсутствие своей этнической буржуазии грузинская политическая мысль стала приравнивать к общенациональной проблеме (Ишханян 1914: 35-39).

Перед дворянским сословием стояли весьма конкретные социально-политические задачи – во-первых, выжить, а во-вторых, вернуть утраченные позиции. Их расчеты опирались на традиционную социальную структуру, которая избежала буржуазной модернизации и законсервировала в себе многие дремучие пережитки крепостничества.

Оскудение помещиков под мощным напором товарно-денежных отношений было вполне очевидным, и они заматались в поисках собственного социального спасения от неотвратимо наступающего, правда, периферийного, но всё же капитализма. В качестве радикального средства избавления от этой, как им казалось, иностранной напасти, была выдвинута программа восстановления самостоятельности Грузии. Эта исподволь вынашиваемая идея приобрела свою актуальность в тот момент, когда на фоне полной дискредитации российского самодержавия, грузинский национализм в своём развитии достиг зрелой политической фазы. Князь Д. А. Микеладзе был первым, кто в 1900 г. осмелился поднять тему политического самоопределения Грузии, после чего эта идея стала активно обсуждаться в среде грузинской интеллигенции (Островский 2004: 535). Она объединила все общественные течения, несмотря на периодические словесные раздоры между консерваторами, либералами и социалистами. Наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков с нескрываемой тревогой отмечал, что уже в период первой русской революции “дворянские собрания Кутаисской и Тифлисской губерний возбудили петиции об автономии Грузии, и умы поместного дворянства были, казалось, исключительно заняты мыслью о совершенно обособленном от [русской] империи управлении” (Воронцов-Дашков 1907: 6-7). Они рассматривали Георгиевский трактат 1783 года как наиболее приемлемую для своего истеблишмента модель взаимоотношений Грузии и России. “Грузинские феодалы полагали, – сообщает В. Л. Величко, – что Грузия должна была бы присоединиться к России не по манифесту [1801 года], а по двухстороннему договору, т. е. на началах особой автономии” (Величко 2003: 24).

Вместе с тем надо признать, что тренд национального самоопределения, впервые выдвинутый представителями дворянского политического класса, характеризуется, прежде всего, поисками его собственной формулы выживания. Крупная фигура в истории страны Ной Жордания социально-экономическую первопричину

этого явления ясно видел именно в уже начавшейся агонии феодальной матрицы. “Новое экономическое развитие, — говорил он, — идет в ущерб дворянству: оно постоянно теряет все экономические и политические преимущества, какими владела раньше, и движется к упадку. ... Национальное правительство ... необходимо ... дворянству ... для восстановления старых отживших устоев” (Жордания 1919: 25). Таким образом, аристократия нуждалась в надежных механизмах для поддержания своего прежнего элитного статуса.

Посетивший тогда же кавказский регион итальянский публицист Луиджи Виллари оказался достаточно осведомленным, чтобы сделать пронизательные для европейца выводы. Он пишет, что грузинские дворяне, мало того, что надеялись на возвращение к старым временам, когда их аристократический класс правил страной, но и ратовали “за возрождение самостоятельной Грузии, управляемой олигархией” (Villari 1906: 75). Естественным продолжением этой идеи стала, предсказуемо, теория о некогда существовавшей “идеальной Грузии от Никопсии до Дарубанда” (Чедия 2011: 43). Исходя из чего, единственной стратегической целью становился курс на возвращение к “старым добрым временам”. Это был отчаянный ответ на кризисную ситуацию, который возник как импульсивная реакция архаичных феодальных институтов, внезапно оказавшихся перед лицом смертельной для них угрозы капиталистических преобразований.

Таким образом, вдохновение для возведения своих политических конструкций дворянские идеологи черпали в уже отжившем прошлом своей страны, которое они преднамеренно романтизировали. Однако ими двигали не только ностальгические чувства, но и, по всей видимости, обычные меркантильные интересы. И. И. Воронцов-Дашков не обошел вниманием также тот важный аспект, что “распространение среди грузинского дворянства автономистских тенденций, обещает им впоследствии возможность поставить местных крестьян ещё в более зависимое положение” (Авалиани 1920: 31). Можно смело констатировать, что наряду с чувством патриотизма другим побудительным мотивом для возникшего на рубеже XIX и XX веков движения за самоопределение Грузии были сословные интересы дворянства и тесно связанных с ним некоторых кругов интеллигенции.

Как видим, интересы аристократии имели регрессивный характер и объективно не могли способствовать бесконфликтному развитию Грузии. Восстановление же политического господства дворянского сословия грозило стране консервацией самых архаичных форм в социально-экономических отношениях, и, как следствие, полной стагнацией в её общественном развитии. Иными словами, осуществление политической программы дворянского истеблишмента должно было неотвратимо завести страну в безнадежный социальный тупик.

Не имея реальной возможности противопоставить компрадорам-армянам какие-либо серьёзные методы конкурентной экономической борьбы, формируемая дворянской интеллигенцией социально-политическая мысль априори стала уповать на властные рычаги. Они не скрывали, что восстановление грузинской государственности, безусловно, будет “означать смерть армянской плутократии” (Ишханян 1914: 73).

Нельзя, однако, не напомнить, что намерение уничтожить ещё очень слабые ростки капиталистических отношений, генератором которых являлась буржуазия Тифлиса, с неизбежностью привело бы страну к феодальной реакции.

Подводя итоги, можно констатировать, что это, собственно, произошло уже после возобновления картвельской государственности в 1918 году, когда имущества армянской буржуазии стали предметом широких конфискаций. Власти страны лишь с большой долей условности признавали частную собственность армян и при каждом удобном случае, под надуманным предлогом старались отобрать у них недвижимость.¹⁰ А. Д. Джамалян¹¹ свидетельствует, что “притеснения выступали не под национальной личиной, а как обязывающие всех законы либо правила для граждан занимающихся торгово-промышленными делами, но ни для кого не было секретом, что их главными жертвами должны были быть армяне, так как эти занятия находились главным образом в их руках “...” С одной стороны, тяжёлым налогам подвергали торгово-промышленные предприятия армян, всячески затрудняли им создание новых, по обвинению в злоупотреблениях на них налагались тяжёлые штрафы, с другой же стороны, оказывалась всяческая поддержка проявляющим деловые экономические наклонности грузинам, дабы они стали способны конкурировать с армянами” (Джамалян 1929: 119). Феодальная же аристократия, напротив, была избавлена от своих долгов кредитным учреждениям, которые были обнулены по решению новых властей. Кроме того, было подтверждено право дворянства на владение его фамильными уделами, благодаря чему нобилитет вновь стал доминантной социальной группой в стране (Маилаян 2014: 50-61). Он занял командные позиции в Грузинской демократической республике, которая, во многом, пожалуй, приобрела очертания банальной реплики феодального государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аблотия Т. (2011), “Армянофобия по привычке”, *Эхо Кавказа*, <https://www.ekhokavkaza.com/a/24285393.html> (дата обращения: 7. 07. 2019).
- Авалиани С. Л. (1920), *Крестьянский вопрос в Закавказье*, т. IV, Тифлис.
- Авалов З. Д. (1901), *Присоединение Грузии к России*, СПб.
- Адиньяев С. И. и др. (2017), “Аристократические общества на Кавказе в XVIII–XIX вв. и крепостная зависимость (на материалах Сборника законов грузинского царя Вахтанга VI)”, *Vylve Gody*, vol. 44, is. 2, Вашингтон-Братислава: 370-377.
- Байков Б. (1991), “Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.)”, *Архив русской революции*, т. 9, Москва: 91-194.
- Бакрадзе Д./Берзенов Н. (1870), *Тифлис в историческом и этнографическом отношениях*, СПб.
- Брегвадзе А. И. (1983), *Славная страница истории: Добровольное присоединение Грузии к России и его социально-экономические последствия*, Москва.

¹⁰ “Слово” (газета, Тифлис), 26 февраля 1920.

¹¹ Первый дипломатический представитель Республики Армения в Грузии (1918 г.).

- Бухрашвили П. (2010а), “Для переосмысления грузино-армянских отношений”, *История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии*, Ереван: 39-57.
- (2010б), “Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность” *История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии*, Ереван: 137-150.
- Вачнадзе М./Гурули В./Бахтадзе М. (2008), *История Грузии (с древнейших времён до наших дней)*, Тбилиси, http://www.nplg.gov.ge/ic/DGL/work/History_of_Georgia/index.htm (дата обращения: 20. 05. 2018).
- Величко В.Л. (2003), *Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы*, Москва.
- Воронцов-Дашков И. И. (1907), *Верноподданнейшая записка по управлению Кавказским краем*, СПб-Тифлис.
- (1928), “Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905-1915 гг.)”, *Красный архив*, т. 26, № 1, Москва: 97-126.
- Гогичайшвили Ф. (ред.) (1910), *Сборник статистических сведений о частном землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях*, Тифлис.
- Давлианидзе Л. (2009), “Из истории армяно-грузинских взаимоотношений”, *Положительные примеры из истории сосуществования народов и стран Южного Кавказа. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии*, Ереван: 76-93.
- Дадаян Х. (2008), “Армянское торгово-экономическое присутствие в Тифлисе (позднее средневековье – 1918 г.)”, *21-й Век*, № 1, Ереван: 81-104.
- Дерлугьян Г. М. (2013), *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*, Москва.
- Драбкина Е. (1928), *Грузинская контрреволюция*, Ленинград.
- Дякин В. С. (1998), *Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.)*, СПб.
- Желиховская В. П. (1885), *Кавказ и Закавказье*, СПб.
- Жордания Н. Н. (1919), *За два года: доклады и речи (1917-1919)*, Тифлис.
- (1968), *Моя жизнь*, Стэнфорд.
- “Из грузинской жизни” (1905), *Кавказский Вестник* (ежемесячный научно-литературный журнал), № 2 (октябрь), Тифлис: 77-82.
- Ишханян Б. З. (1914), *Экономические и общественные основы армяно-грузинского антагонизма (критический анализ)*, Тифлис.
- Кавказский календарь на 1917 год*, Тифлис: 206-207.
- Карапетян С. (2003), *Мэры Тифлиса (Тбилиси)*, Ереван.
- Кастелянский А. И. (ред.) (1910), *Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия*, СПб.
- Качаравя Ю. (ред.) (1973), *История Грузии*, Тбилиси, <http://ikalto.com/librarium/History-1973.pdf> (дата обращения: 7. 09. 2014).
- Кутателадзе К. (2010), “Об арменизации грузин согласно грузинской периодике на рубеже XIX-XX вв.”, *Кавказоведческие разыскания*, Тбилиси: 519-529.
- Маилаян Б. В. (2014), “К проблеме актуализации вопроса самоопределения Грузии на рубеже XIX и XX веков”, *Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ*, Москва: 33-61.
- Маркарян С. (2018), “Армянская буржуазия Тифлиса в XIX веке”, *Caucaso-Caspica: Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета*, Ереван: 259-275.

- Марков Е. Л. (1887), *Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории*, СПб-Москва.
- Мельникова И. Е. (2013), “Из истории заговора в Кахетии грузинских князей и дворян 1811–1812 гг.”, *XXIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы*, том I, Москва: 106-11.
- Николадзе Н. Я. (1920), *Армяно-грузинские отношения в 1893-1898 гг.* (Старые статьи с новым вступлением), Тифлис.
- Оганджян А. А. (1970), “Банки Закавказья до установления советской власти и идея создания “Армянского банка”, *Историко-Филологический Журнал*, № 1, Ереван: 227-232.
- Островский А. В. (2004), *Кто стоял за спиной Сталина?* Москва.
- Рейфилд Д. (2017), *Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет*, Москва, <https://ru.scribd.com/document/342998377/pdf> [дата обращения: 20. 05. 2018].
- Соловьев Б. И. (2000), *Русское дворянство и его выдающиеся представители*, Ростов-на-Дону.
- Сумбатов А. (1919), *В мощных объятиях: общие очертания 117 лет русско-грузинского объединения*, Петроград.
- Уратадзе Г. И. (1968), *Воспоминания грузинского социал-демократа*, Стенфорд.
- Урушадзе А. Т. (2015), “Кавказ в конце XIX – начале XX в.”, *Quaestio Rossica*, № 2. Екатеринбург: 144-157.
- Чавчавадзе И. Г. (1902), *Армянские ученые и вопиющие камни/ перевод с грузинского Н. И. Алексеева-Месхиева*, Тифлис, <http://www.amsi.ge/istoria/somx/kamni.pdf/> (дата обращения: 7. 09. 2017).
- Чедия Б. (2011), “Современный грузинский национализм перед вызовами нового тысячелетия”, *Кавказ и глобализация*, т. 5, вып. 1-2, Баку: 42-51.
- Чхетия Ш. (1958), “Армяне в Тбилиси в шестидесятых годах XIX века”, *Историко-Филологический Журнал*, № 3, Ереван: 161-167.
- Шарден Ж. (1902), *Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг.*, Тифлис.
- Jamalyan A. (1929) “*Нау-врач’akan kncirə*”, *Најrenik’*, Mart, Boston.
- Jones S. F. (1994), “Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and memory in the Georgian Republic”, *Memory, History and Opposition under State Socialism*, R. S. Watson (ed.), Sante Fe: 149–165.
- Kazemzadeh F. (1951), *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*, New York-Oxford, 1951.
- Villari L. (1906), *Fire and Sword in the Caucasus*, London.